

что жена, которая очутилась въ моемъ положеніи, но уважаетъ себя, ведетъ себя сдержанно. Я стараюсь не забывать того, чѣмъ обязана другимъ, также какъ и они обязаны мнѣ.

Она подошла къ письменному столу и взяла перо.

Болѣзненно чувствуя всю унижительность своего положенія, Линлей воздержался отъ громкаго заявленія своего восхищенія ея великодушіемъ. Пока онъ не заслужитъ прощенія, онъ не имѣетъ права высказывать свое мнѣніе объ ея поступкахъ. Она перетолковала его молчаніе. Она поняла его такъ, что онъ оцѣнилъ ея великодушіе только по отношенію къ миссъ Уэстерфильдъ, но нисколько не тронуть имъ самъ по себѣ. И бросила перо съ первой вспышкой гнѣва, какая у нея вырвалась.

— Вы говорили отъ имени гувернантки, — сказала она. — Но я еще не слышала, что вы скажете отъ самого себя, сэръ. Вы, что ли, соблазнили ее? Вы знали, какую благодарность она чувствовала къ вамъ... и совратили ея чувство съ пути истиннаго, и влюбили ее въ себя? Жестокій, жестокий, жестокий! Оправдавайтесь, если можете.

Онъ не отвѣчалъ.

— Неужели вы считаете недостойнымъ себя оправдываться? — страстно вскричала она. — Ваше молчаніе — оскорбленіе!

— Мое молчаніе выражаетъ сознаніе моей вины. Она можетъ принять ваше прощеніе, а я не могу даже на него надѣяться.

Что-то въ тонѣ его голоса напомнило ей о прошлыхъ дняхъ, дняхъ безграничной любви и довѣрія, когда для него не существовало въ мірѣ другой женщины, кромѣ нея. Дорогія воспоминанія счастливой супружеской жизни наполнили ея сердце нѣжностью и потушили въ слезахъ гнѣвный блескъ глазъ. Въ ней не было больше ни гнѣва, ни гордости, когда она съ нимъ заговорила.

— О, другъ мой, неужели она лишила меня твоей любви?!

Суди сама, Катя, люблю ли я тебя, или нѣтъ, если я устоялъ передъ соблазномъ и во всемъ тебѣ признался?

Она подошла ближе къ нему. — Могу я тебѣ вѣрить?

— Испытай меня.

Она тотчасъ же поймала его на словѣ.

— Когда миссъ Уэстерфильдъ оставитъ насъ, общай мнѣ не видѣться больше съ ней.

— Общаю.

— И даже не писать ей.

— Общаю.